

предстало тогда предъ ними какъ идолопоклонство, какъ отпаде-
 ніе отъ Бога. Они такъ и не сумѣли примирить въ душѣ своей
 человѣка и художника, и тогда въ ней прозвучалъ грозный при-
 говоръ надъ ихъ художественнымъ творчествомъ: „если правый
 глазъ соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя... и если
 правая твоя рука соблазняетъ тебя, отсѣки ее и брось отъ себя“
 (Мѡ., 5, 29—30). О, дорого, какъ око и какъ рука, художнику его
 искусство, и, какъ они, есть оно драгоцѣнный даръ Божій, и, можетъ
 быть, подобно Гоголю, не перенесетъ онъ этого отсѣченія. Но отъ
 этого драгоцѣннаго дара Божія надо отречься во имя Бога, при-
 неся его въ жертву къ алтарю. И вотъ начинается это отреченіе,
 эта мучительная борьба съ своимъ искусствомъ, агонія художника.
 Въ изнеможеніи отъ нея, Гоголь сжигаетъ свою рукопись *Мерт-
 выхъ Душъ* и кается какъ въ тяжеломъ грѣхѣ въ своемъ художе-
 ственномъ творствѣ, замѣняя его отнюдь не гениальнымъ, какъ бы
 ни относиться къ нему по существу, проповѣдничествомъ въ стилѣ
Переписки съ друзьями. Также и Толстой отрекается отъ своего
 художественнаго творчества, хочетъ убить въ себѣ художника,
 хотя до конца это художественное самоубійство и никогда ему не
 удастся. Отъ недостижимой художественной высоты *Войны и Мира*
 онъ переходитъ къ составленію многословныхъ, однообразныхъ,
 скучныхъ, съ рѣдкими лишь проблесками гениальности, богослов-
 скихъ и моралистическихъ трактатовъ, изъ которыхъ большинство
 совершенно не читается уже теперь и скоро будетъ окончатель-
 но забыто. То резонерство, которое раньше было только эпизоди-
 ческимъ придаткомъ къ его художественнымъ произведеніямъ, те-
 перь выдвинулось на первый планъ, заслонило собою искусство.
 Для этого же новаго жанра у Толстого не хватало ни подлиннаго
 религіознаго вдохновенія, ни философскаго дарованія, ни логической
 выдержки и научнаго метода. Вѣдь достаточно сравнить чисто бо-
 гословскія сочиненія Толстого, хотя бы объ Евангеліяхъ, съ науч-
 ными изслѣдованіями *того же* направленія, которыми такъ богата
 теперешняя протестантская экзегетика, чтобы убѣдиться, какъ они
 неинтересны и слабы именно съ точки зрѣнія научнаго рациона-
 лизма по сравненію съ этими изслѣдованіями, а вѣдь послѣднія выхо-
 дятъ изъ подъ пера не міроваго гениа, а заурядныхъ тружениковъ
 науки. Разстояніе между художественными и богословскими произ-
 веденіями Толстого по силѣ дарованія никакъ не меньше, чѣмъ